

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407

EDN: JAEIPV

УДК 316.6

Исследовательская статья

Идеальный и реальный мультикультурализм в постсоветских странах: связь со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием этнического большинства и меньшинства

З.Х. Лепшокова¹, Е. Джукич², А.В. Черная³¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация²Академия человеческого развития,
Сербия, Белград³Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
 taimiris@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается социально-психологический взгляд на мультикультурализм как субъективное отражение социокультурного контекста на уровне установок и восприятия. Разграничиваются понятия идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма и исследуется их связь с аккультурационными предпочтениями и психологическим благополучием представителей этнического меньшинства и большинства. Исследование проведено на представителях русского этнического меньшинства ($N = 746$) и этнического большинства ($N = 754$) Казахстана, Кыргызстана и Эстонии. Общий объем выборки составил 1500 респондентов. Методологию исследования составили прескриптивная и дескриптивная версии шкалы мультикультурной идеологии, шкалы для измерения аккультурационных стратегий этнического меньшинства и аккультурационных ожиданий этнического большинства, а также шкалы для измерения уровня удовлетворенности жизнью и самоуважения. В результате анализа выяснилось, что универсальной основой удовлетворенности жизнью представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства всех исследуемых постсоветских стран является реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, а не абстрактные установки в отношении принятия мультикультурной идеологии. Более того, реальный, воспринимаемый русскими, мультикультурализм проявил себя и как универсальная основа выбора ими стратегии интеграции. У представителей этнического большинства реальный, воспринимаемый ими, мультикультурализм проявил себя основой интеграции или ассимиляции русских в зависимости от контекста. У казахов и киргизов он лег в основу интеграции русских, тогда как у эстонцев – в основу ассимиляции русских. Эти и другие результаты исследования обсуждаются через призму социокультурных контекстов Казахстана, Кыргызстана и Эстонии, а также через призму принципиальных различий между идеальным и реальным мультикультурализмом. Объясняется практическая ценность тестируемой модели для диагностики межкультурных отношений в поликультурных обществах.

© Лепшокова З.Х., Джукич Е., Черная А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: мультикультурная идеология, идеальный (ожидаемый) мультикультурализм, реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, аккультурационные стратегии, аккультурационные ожидания, психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, самоуважение, постсоветские страны, этническое большинство, этническое меньшинство, Казахстан, Кыргызстан, Эстония

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

Сегодня нельзя найти страну, которая не поддерживает идею создания мирного социального климата, где люди различных национальностей и вероисповеданий могли бы жить в гармонии, взаимопонимании и взаимоуважении. Осознание этого очень важно, но недостаточно, так как возникают вопросы, на которые нет однозначных ответов. Как достичь этой гармонии? На каких принципах построить политику, открытую к разнообразию культур и религий? Нужно ли акцентировать внимание на общих чертах, или же признавать наличие важных различий между группами? Какая политика и идеология помогут преодолеть предвзятость, дискриминацию и конфликты между группами? И самый сложный вопрос – как сделать так, чтобы провозглашаемые принципы о признании культурного разнообразия не расходились с реальными действиями и способствовали психологическому благополучию всех этнокультурных групп в обществе?

Многие годы социальные психологи, социологи, этнологи, политологи и специалисты из многих других смежных областей знания бьются над этими вопросами, пытаясь найти ответы на них и дать человечеству «рецепт» мирного и гармоничного сосуществования. Самый видный из ныне живущих кросс-культурных психологов Джон Берри считает, что данный «рецепт» кроется в принятии мультикультурной идеологии (Berry, 2013), которая в чистом виде представляет собой такое устройство гражданского общества, в котором учитываются интересы всех этнических и культурных групп. Государственные институты власти вовлекают эти группы в жизнь общества, обеспечивая равные права для всех, независимо от их размера, влияния и власти, и предотвращая ассимиляцию. Сегодня мультикультурную идеологию или, как ее еще часто называют, мультикультурализм, на официальном уровне признают такие страны, как Канада, Австралия, Сингапур, Азербайджан и другие.

Но несмотря на приверженность вышеприведенных стран данной идеологии, мультикультурализм неоднократно подвергался и по сей день подвергается серьезной критике в других странах за свою несостоятельность как официальной национальной межгрупповой идеологии (Ward et al., 2023). В этой связи в некоторых обществах, особенно в европейских, его называют причиной «болезни» межкультурных отношений (Ward et al., 2020). Но поскольку все же есть общества, которые относят мультикультурализм к «лекарству» от «болезни», настал момент разобраться в данной проблеме, которая, на наш взгляд, кроется в расхождении декларируемых в обществе или обществом принципов признания и принятия культурного разнообразия с реально реализуемой мультикультурной идеологией и ее восприятием

населением. Мы считаем, что разобраться в данной проблеме можно с помощью социально-психологического взгляда на нее и понимания некоторых основ истории нацстроительства поликультурных государств. Что мы и взяли сделать на примере межкультурных отношений в новых независимых государствах постсоветского пространства с целью найти ответ на вопрос: какова роль идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма во взаимной аккультурации и психологическом благополучии представителей этнического большинства и русского этнического меньшинства постсоветских стран, на примере Казахстана, Кыргызстана и Эстонии? Для ответа на этот вопрос мы прежде всего должны разобраться в том, что же такое идеальный (ожидаемый) и реальный (воспринимаемый) мультикультурализм.

*Идеальный (ожидаемый) и реальный (воспринимаемый)
мультикультурализм: социально-психологический подход*

С помощью теоретического аппарата социальной психологии мы можем рассмотреть мультикультурную идеологию (мультикультурализм) как определенную систему межкультурных отношений через призму социальных установок, представлений, ожиданий и социальной перцепции. Социально-психологический взгляд на мультикультурализм как субъективное отражение социокультурного контекста на уровне установок и восприятия, позволяет нам выделить четкое разграничение между тем, как *должно*, по мнению людей, строиться межкультурное взаимодействие (установки) и *как на самом деле* оно выстраивается с их точки зрения (восприятие). Исходя из этого мы определяем два взгляда на проблему межкультурных отношений с позиций прескриптивности (предписывания) и дескриптивности (описания).

С точки зрения прескриптивности мультикультурализм в социальной психологии можно изучать через призму социальных установок и индивидуально-личностных представлений, а если быть более точными, то с позиции социальных ожиданий того, как люди хотят, чтобы выстраивались отношения между разными этнокультурными группами в обществе, то есть, как им следует жить вместе. Такой мультикультурализм мы определяем как ожидаемый или «идеальный», поскольку это «идеальные» представления людей о том, как должны быть устроены взаимоотношения между этнокультурными группами в поликультурном обществе. Складываться такие «идеальные» индивидуально-личностные представления могут отчасти под влиянием общей системы убеждений о том, как должно функционировать общество (Badea, 2017).

С точки зрения дескриптивности мультикультурализм в социальной психологии можно изучать через призму социальной перцепции, то есть с позиции того, как люди воспринимают складывающиеся межкультурные отношения между этнокультурными группами в их обществе. Такой мультикультурализм мы определяем как воспринимаемый или «реальный», поскольку это «реальное» с точки зрения людей положение дел в сфере межкультурного взаимодействия, то есть субъективная оценка людьми того, как на самом деле живут разные этнокультурные группы в их обществе. Иными словами, это своего рода «повседневный мультикультурализм», наблюдае-

мый людьми. Исследование нами мультикультурализма с точки зрения социальной перцепции базируется на идеи о том, что восприятие оказывает более мощное и непосредственное влияние на ключевые социальные и психологические результаты (Guimond et al., 2013; Koopmans, Schaeffer, 2016; Van Assche et al., 2016), чем объективные данные. Связано это с тем, что именно субъективные интерпретации конструируют нашу реальность и определяют наши реакции (Zagefka, Brown, 2002). В исследованиях уже накоплены данные о том, что воспринимаемый мультикультурализм является неотъемлемой частью воспринимаемой инклюзивности контекста, которая в свою очередь оказывает влияние на идентификацию, аккультурацию и адаптацию этнических меньшинств (Лепшокова, 2020; 2021).

В настоящем исследовании мы пытаемся разобраться, с какими аккультурационными предпочтениями этнического меньшинства и большинства и показателями психологического благополучия идеальный и реальный мультикультурализм связаны и каким образом.

Мультикультурализм и аккультурация

Во многих исследованиях по аккультурации прослеживается связь между мультикультурализмом и аккультурационными ориентациями как среди представителей этнического большинства, так и среди представителей этнического меньшинства. Так, в исследовании мигрантов из республик Северного Кавказа в Москве обнаружено, что осознаваемый мигрантами мультикультурализм является частью воспринимаемого инклюзивного социального контекста, который в свою очередь способствует выбору стратегии интеграции и не способствует выбору стратегии сепарации (Лепшокова, 2020). В исследовании взаимосвязи аккультурационных ориентаций немцев, как этнического большинства Германии, установлено, что положительная связь между аккультурационной ориентацией на сохранение своей культуры и аккультурационной ориентацией на принятие культуры мигрантов усиливается при выраженности установки на принятие мультикультурной идеологии (Kunst et al., 2023), то есть мультикультурная идеология усиливает ориентацию на интеграцию, если за основу брать определение интеграции Д. Берри (Berry, 2013).

Говоря, о мультикультурализме и аккультурации, стоит также поднять вопрос и о потенциальных взаимоотношениях мультикультурализма и аккультурационного предпочтения ассимиляции. В этой связи важно напомнить, что мультикультурная идеология поощряет признание и оценку групповых различий, тогда как предпочтение ассимиляции представителями этнического меньшинства фокусируется на взаимодействии с большинством при отказе от своей культурной самобытности. Если речь идет об этническом большинстве, то его стремление ассимилировать другие группы также противоречит мультикультурной идеологии, которая основывается на необходимости сохранять культурную самобытность всех этнокультурных групп. Ввиду вышесказанного мы выдвигаем следующую гипотезу исследования:

H1. Идеальный (ожидаемый) мультикультурализм и реальный (воспринимаемый) мультикультурализм положительно связаны с аккультурационными предпочтениями интеграции и отрицательно связаны с аккультурационными предпочтениями сепарации/сегрегации и ассимиляции у пред-

ставителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии.

Мультикультурализм и психологическое благополучие

Многие исследователи приходят к выводу, что мультикультурная политика, реализующаяся на национальном уровне, влияет на субъективное психологическое благополучие (Guimond et al., 2013; Jackson, Doershler, 2016; Ward et al., 2018). Так, на основе данных Европейского социального исследования (ESS) и данных проекта Индекс мультикультурной политики (MPI) было обнаружено, что утверждение мультикультурализма на государственном уровне оказывает положительное влияние на удовлетворенность жизнью как представителей этнического меньшинства, так и этнического большинства (Jackson, Doershler, 2016). В исследовании жителей Великобритании отмечается, что нормативный мультикультурализм, раскрывающийся через восприятие нормативного мультикультурного климата, положительно связан с психологическим благополучием (Ward et al., 2016). Согласно социально-экологической модели здоровья, основанной на теории экологических систем Бронфенбреннера (1992), контекстуальные факторы оказывают существенное влияние на благополучие. В нашем случае под контекстуальным фактором мы имеем в виду реальный (воспринимаемый) мультикультурализм. Ввиду вышесказанного выдвигаем следующую гипотезу исследования:

Н2. Идеальный (ожидаемый) мультикультурализм и реальный (воспринимаемый) мультикультурализм положительно связаны с такими показателями психологического благополучия, как удовлетворенность жизнью и самоуважение у представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии.

Аккультурация и психологическое благополучие

Одним из основных результатов аккультурации выступает психологическая адаптация, как самый главный индикатор успешности/неуспешности реализуемых аккультурационных стратегий. Обычно психологическая адаптация представителей этнического меньшинства и большинства операционализируется через психологическое благополучие (Scottham, Dias, 2010), в частности, через такие его индикаторы, как удовлетворенность жизнью (Berry et al., 2019), самооценка (Berry, Sabatier, 2010), удовлетворенность собой (Лепшикова, 2012) и др. Согласно результатам многочисленных исследований, аккультурационная стратегия интеграции, подразумевающая сохранение своей культурной идентичности и взаимодействие с доминирующим обществом, является наиболее адаптивной стратегией межкультурного взаимодействия (Berry, 2005; Nguyen, Benet-Martinez, 2013; Stogianni et al., 2021; Berry et al., 2022). На выборках этнического большинства засвидетельствовано, что аккультурационное ожидание интеграции также положительно связано с психологическим благополучием (Berry et al., 2022). Относительно связи сепарации и ассимиляции с психологическим благополучием, в иссле-

дованиях нет определенного консенсуса, поскольку в зависимости от контекста данные стратегии могут быть как и вполне адаптивными, так и нет (Birman et al., 2002; Рудмин, 2006; Lepshokova, Tatarko, 2016). Ввиду вышесказанного мы выдвигаем следующую гипотезу исследования и исследовательский вопрос.

НЗ. Аккультурационные предпочтения интеграции положительно связаны с такими показателями психологического благополучия, как удовлетворенность жизнью и самоуважение у представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии.

Как связаны аккультурационные предпочтения сепарации/сегрегации и ассимиляции с такими показателями психологического благополучия, как удовлетворенность жизнью и самоуважение у представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства в исследуемых странах?

Современный социокультурный контекст и позиция русских в Казахстане, Кыргызстане и Эстонии

Казахстан. После распада СССР Казахстан взял вектор на строительство национального казахского государства. Казахи сегодня являются абсолютным этническим большинством в Казахстане, тогда как русские – это крупнейшее этническое и религиозное меньшинство и составляют чуть более 15 % от всего населения страны. Русские в Казахстане представляют собой влиятельную общественно-политическую группу, довольно активную в общественной, военной, культурной и экономической жизни Казахстана. И несмотря на то, что казахский язык является государственным, русский язык официально используется наравне с казахским в государственных учреждениях Казахстана. Тем не менее русские и другие меньшинства Казахстана порой ощущают элементы предвзятости по отношению к ним (Jumageldinov, 2014), что отчасти связывают с активной политикой внедрения казахского языка (Чан Динь Лам, 2013) и утвержденной программой перехода с кириллицы на латиницу до 2031 г. (Молдабаева, Зейнелгабдин, 2024).

Отношение к советскому прошлому в Казахстане носит противоречивый характер, что отчасти может сказываться на отношении к русским. В отношении советского прошлого отмечают не только позитивные, но и негативные его стороны. Особенно ярко это прослеживается в оценке освоения целинных и залежных земель и испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне (Галиев, 2016). В экономическом плане современный Казахстан является самодостаточной страной и одной из наиболее экономически успешных постсоветских стран (Кувалин и др., 2022) с маленьким оттоком местного населения, в том числе русских.

Кыргызстан. После распада СССР политический курс Кыргызстана был направлен на строительство демократического правового государства,

защищающего интересы и достоинство всех граждан многонационального общества вне зависимости от их этнической принадлежности (Немешина и др., 2008). Несмотря на то, что русские в Кыргызстане являются религиозным меньшинством, вторым этническим меньшинством после узбеков и составляют чуть менее 6 % населения, русский язык имеет статус официального и обязателен для изучения (Commercio, 2004). В то же время некоторые авторы говорят о том, что в действительности в Кыргызстане все более отчетливыми становятся признаки государства этнократического (Немешина и др., 2008) с развитой клановой системой (Commercio, 2004). Более того, отмечается, что русские в значительной степени удалены от власти и ресурсов (Шульга, 2013).

По поводу отношения к советскому прошлому можно сказать, что в Кыргызстане присутствуют элементы ностальгии по советскому величию, проявляющиеся в выраженности советской идентичности, которая остается важной частью повседневности (Флорин, 2011) и сплочения всех этнических групп. С точки зрения экономического развития Кыргызстан относят к экономикам слаборазвитых стран (Джаманкулов, 2019) с высокой миграционной активностью населения.

Эстония. После распада СССР в Эстонии прошла стремительная волна дерусификации (Pavlenko, 2008) и был взят курс на сближение с европейскими странами, ознаменовавшийся вхождением в Европейский союз в 2004 г. (Фурман, Задорожнюк, 2004). В Эстонии имеет место быть этнически окрашенная модель национального государства, приравнивающая интеграцию к принудительной аккультурации (Kruusvall et al., 2009). Русские являются крупнейшим этническим меньшинством в Эстонии и составляют около 25 % от всего населения страны. Русский язык в Эстонии носит статус иностранного языка, ввиду чего его изучение и использование ограничено. Несмотря на свою значительную численность, русскоязычное меньшинство в Эстонии относительно обездолено в социально-политическом и экономическом плане по сравнению с коренными эстонцами (Leping, Toomet, 2008; Lindemann, Vöörmann, 2010). Более того, большинство «лиц неопределенного гражданства» в Эстонии составляют этнические русские (Croft, 2016).

Важно отметить, что в Эстонии имеет место быть диаметрально разное отношение русских и эстонцев к советскому периоду: русские разделяют мнение, что советские войска освободили Эстонию от фашистов, тогда как эстонцы установление советской власти в Эстонии воспринимают как агрессию, оккупацию и незаконную аннексию (Vetik, 1993). Более того, зачастую русские определяются как «бывшая колониальная элита» (Kus-Harbord, Ward, 2015). Говоря об экономическом положении Эстонии, следует отметить, что данная страна является одной из самых экономически развитых стран постсоветского пространства (Фурман, Задорожнюк, 2004).

Учитывая различия социокультурных контекстов изучаемых стран и позиции русских в них, мы выдвигаем следующий исследовательский вопрос:

Существуют ли универсальные и специфические для стран паттерны связи идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия у представителей этнического большинства и русского этнического меньшинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии?

Процедура и методы

Участники. В выборку исследования вошли 754 представителя этнического большинства и 746 представителей русского этнического меньшинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии, общий объем выборки 1500 респондентов. В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборки. Обращает на себя внимание перевес в сторону женщин в выборках Казахстана и Кыргызстана, что отражается отчасти и в гендерной асимметрии населения в масштабах данных стран (например, Доброхлеб, Кондакова, 2022). Социально-психологический опрос проводился с помощью коллег из университетов-партнеров Казахстана, Кыргызстана и Эстонии. В Казахстане и Кыргызстане опрос проходил очно, в Эстонии – с помощью онлайн-платформы 1ka. Дизайн исследования – кросс-секционный.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Страны	Группы	Количество респондентов	Возраст		Пол	
			Средний возраст	Минимум – Максимум	Муж.	Жен.
Казахстан	Казахи	226	30	17-70	60	161
	Русские	116	36	17-69	26	90
Кыргызстан	Киргизы	299	36	18-64	95	204
	Русские	300	36	17-65	104	196
Эстония	Эстонцы	229	33	18-70	116	113
	Русские	330	37	18-80	151	179

Методики. В исследовании были использованы шкалы, направленные на измерение уровня выраженности аккультурационных стратегий, аккультурационных ожиданий, самоуважения и удовлетворенности жизнью, из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations, 2017), адаптированные на российской выборке (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009).

Идеальный (ожидаемый) мультикультурализм измерялся с помощью прескриптивной версии шкалы для измерения выраженности установки на

принятие мультикультурной идеологии (Berry, Kalin, 1995). Шкала включала в себя 6 вопросов, например: «Было бы хорошо, если бы все этнические группы в [Казахстане/Кыргызстане/Эстонии] сохраняли свои культуры».

Реальный (воспринимаемый) мультикультурализм измерялся с помощью дескриптивной версии шкалы мультикультурной идеологии (Лепшикова, 2021). Шкала включала в себя 6 вопросов, например: «В [Казахстане/Кыргызстане/Эстонии] принято помогать этническим группам сохранять их культурное наследие».

Аккультурационные стратегии представителей этнического меньшинства: интеграция — включала 4 вопроса, например: «Я считаю, что русские, проживающие в [Казахстане/Кыргызстане/Эстонии], должны иметь друзей как своей национальности, так и [казахов/киргизов/эстонцев]»; сегрегация включала также 4 вопроса, например: «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только русских»; ассимиляция включала также 4 вопроса, например: «Я предпочитаю иметь друзей только [казахов / киргизов / эстонцев]».

Аккультурационные ожидания представителей этнического большинства: интеграция — включала 4 вопроса, например: «Русским, проживающим в [Казахстане/Кыргызстане/Эстонии], следует иметь друзей как своей национальности, так и [казахов/киргизов/эстонцев]»; сегрегация включала также 4 вопроса, например: «Я считаю, что русские, проживающие в [Казахстане/Кыргызстане/Эстонии], должны иметь в качестве друзей только русских»; ассимиляция включала также 4 вопроса, например: «Я считаю, что русские, проживающие в [Казахстане/Кыргызстане/Эстонии], должны иметь друзей только [казахов/киргизов/эстонцев]».

Удовлетворенность жизнью измерялась с помощью 4 вопросов, например: «Если бы я мог прожить свою жизнь еще раз, я не изменил бы в ней почти ничего».

Самоуважение измерялось с помощью 4 вопросов, например: «Я считаю, что у меня есть хорошие качества».

Ответы на утверждения во всех используемых в исследовании шкалах заданы в форме 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применялись следующие методы: описательная статистика, моделирование структурными уравнениями (SEM) (мультигрупповой анализ).

Результаты исследования

Описательные статистики по основным переменным исследования (табл. 2) свидетельствуют о том, что идеальный (ожидаемый) мультикультурализм (далее – ИОМ) и реальный (воспринимаемый) мультикультурализм (далее –

РВМ) достаточно выражены во всех исследуемых выборках, так как выше срединного значения шкалы. Вместе с тем у русского этнического меньшинства средние значения реального мультикультурализма несколько ниже средних значений идеального мультикультурализма, то есть некоторое несовпадение между идеальным (ожидаемым) и реальным (воспринимаемым) мультикультурализмом отмечается у русских. Судя по средним значениям, интеграция видится наиболее предпочитаемым аккультурационным ожиданием у большинства и аккультурационной стратегией у меньшинства. Средние значения по удовлетворенности жизнью выше срединного значения шкалы, при этом средние значения по самоуважению во всех выборках выглядят выше.

Таблица 2

Описательные статистики основных переменных исследования

Переменные	Казахстан		Кыргызстан		Эстония	
	Казахи	Русские	Киргизы	Русские	Эстонцы	Русские
	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)
Идеальный (ожидаемый) мультикультурализм	3,83 (0,76)	4,02 (0,67)	4,13 (0,58)	4,14 (0,54)	3,79 (0,71)	3,92 (0,73)
Реальный (воспринимаемый) мультикультурализм	3,96 (0,72)	3,63 (0,76)	4,10 (0,65)	3,36 (0,57)	3,29 (0,55)	3,25 (0,61)
Интеграция*	3,98 (0,67)	3,91 (0,64)	4,21 (0,85)	4,01 (0,66)	4,50 (0,57)	4,48 (0,55)
Ассимиляция*	2,58 (0,81)	2,01 (0,83)	1,49 (0,62)	1,56 (0,52)	2,14 (0,76)	1,66 (0,63)
Сегрегация – сепарация*	2,23 (0,80)	2,45 (0,76)	2,80 (0,85)	2,77 (0,81)	2,09 (0,60)	2,35 (0,88)
Удовлетворенность жизнью	3,84 (0,68)	3,22 (0,72)	3,37 (0,77)	3,25 (0,75)	3,33 (0,74)	3,34 (0,74)
Самоуважение	4,28 (0,62)	4,00 (0,67)	4,32 (0,55)	4,29 (0,56)	3,89 (0,69)	4,12 (0,59)

Примечание. М – среднее значение; SD – стандартное отклонение; * – аккультурационные ожидания представителей этнического большинства и аккультурационные стратегии представителей этнического меньшинства.

Для анализа взаимосвязи двух видов мультикультурализма: идеального ожидаемого и реального воспринимаемого с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Казахстана, Кыргызстана, и Эстонии было использовано моделирование структурными уравнениями (SEM). Первоначально проведен мультигрупповой анализ между группами русского этнического меньшинства трех стран, полученные результаты показали присутствие частичной инвариантности ($\Delta CFI = 0,03$; $\Delta RMSEA = 0,003$), результаты мультигруппового анализа между группами этнического большинства трех стран показали отсутствие инвариантности ($\Delta CFI = 0,06$; $\Delta RMSEA = 0,07$). Исходя из этого дальнейший анализ проводился отдельно для каждой группы.

На рис. 1 представлены результаты путевого анализа взаимосвязи идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического

благополучия представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Казахстана.

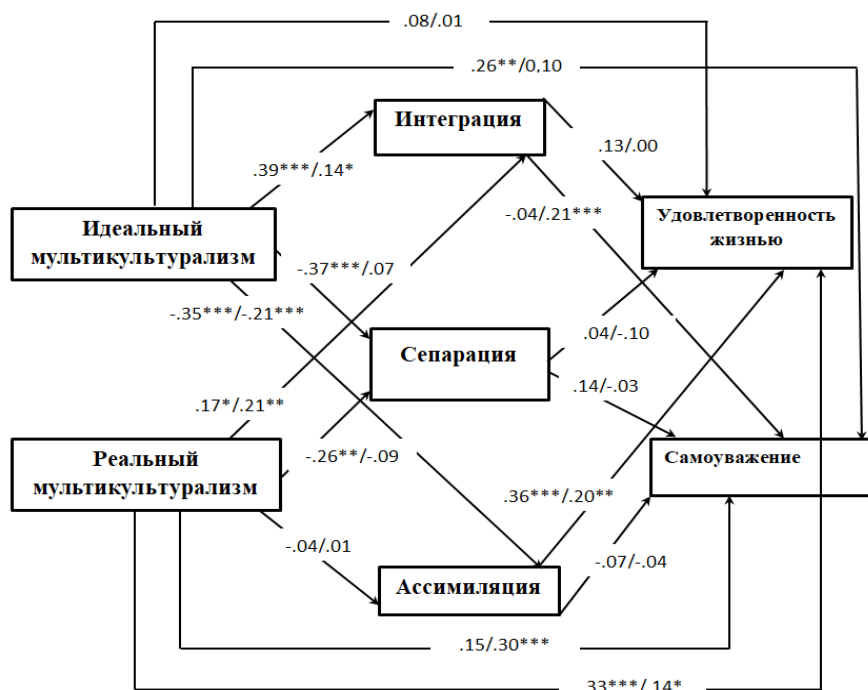

Рис. 1. Путевая модель взаимосвязи ИОМ и РВМ с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия у русских и казахов в Казахстане

Примечание. Первые коэффициенты относятся к русским, вторые после слеш – к казахам; показатели пригодности моделей удовлетворительны: $\chi^2/df = 1.115$, CFI = 0.998, RMSEA = .030, PCLOSE = 0.800 (русские) / $\chi^2/df = 2.090$, CFI = 0.977, RMSEA = 0.052, PCLOSE = 0.435 (казахи).
*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Данные, представленные на рис. 1, свидетельствуют о том, что ИОМ русских в Казахстане положительно связан со стратегией интеграции и отрицательно – со стратегией сепарации и ассимиляции, тогда как РВМ русских также положительно связан со стратегией интеграции и отрицательно со стратегией сепарации, но не связан со стратегией ассимиляции. ИОМ русских положительно связан с самоуважением, тогда как РВМ положительно связан с удовлетворенностью жизнью. Стратегия ассимиляции русских положительно связана с удовлетворенностью жизнью. У казахов ИОМ положительно связан с ожиданием интеграции русских и отрицательно – с ожиданием ассимиляции, тогда как РВМ у казахов положительно связан с ожиданием интеграции. ИОМ у казахов не связан с показателями психологического благополучия, тогда как РВМ положительно связан как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением. Ожидание интеграции у казахов положительно связано с самоуважением, тогда как ожидание ассимиляции положительно связано с удовлетворенностью жизнью.

На рис. 2 представлены результаты путевого анализа взаимосвязи идеального ожидаемого и реального воспринимаемого мультикультурализма

с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Кыргызстана.

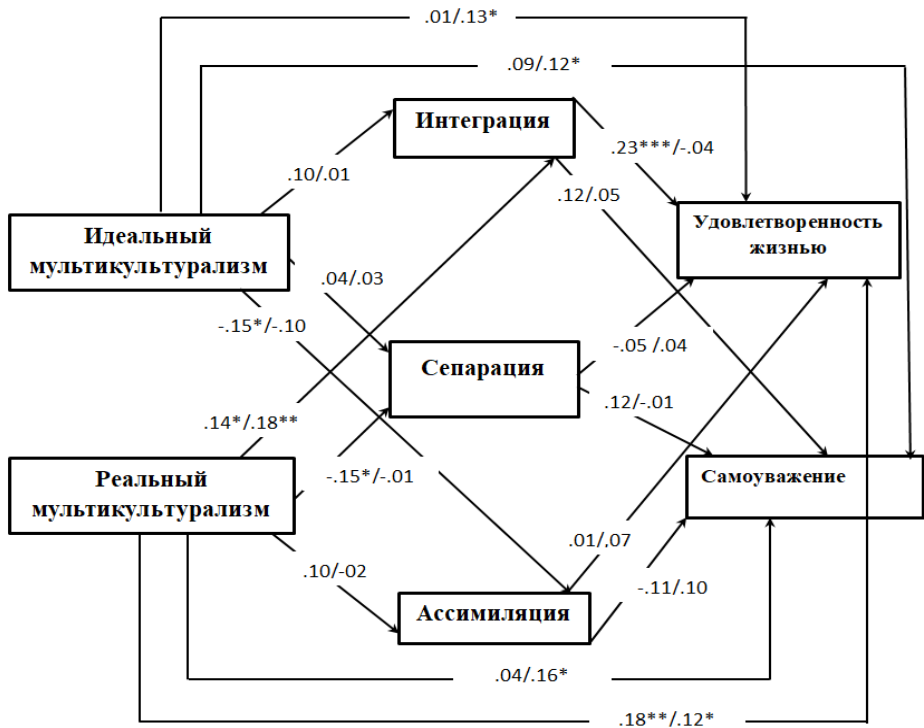

Рис. 2. Путевая модель взаимосвязи ИОМ и РВМ с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия у русских и киргизов в Кыргызстане

Примечание. Первые коэффициенты относятся к русским, вторые после слеш –к киргизам; показатели пригодности модели удовлетворительны: $\chi^2/df = 1.105$, CFI = 0.997, RMSEA = .019, PCLOSE = 0.736 (русские) / $\chi^2/df = 2.132$, CFI = 0.955, RMSEA = .062, PCLOSE = 0.235 (киргизы).
*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Данные, представленные на рис. 2, свидетельствуют о том, что ИОМ русских в Кыргызстане отрицательно связан со стратегией ассимиляции, тогда как РВМ положительно связан со стратегией интеграции и отрицательно – со стратегией сепарации. РВМ у русских в Кыргызстане положительно связан с удовлетворенностью жизнью. Стратегия интеграции у русских в Кыргызстане положительно связана с удовлетворенностью жизнью. У киргизов РВМ положительно связан с ожиданием интеграции русских. Более того, РВМ и ИОМ у киргизов положительно связаны как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением.

На рис. 3 представлены результаты путевого анализа взаимосвязи идеального ожидаемого и реального воспринимаемого мультикультурализма с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства Эстонии.

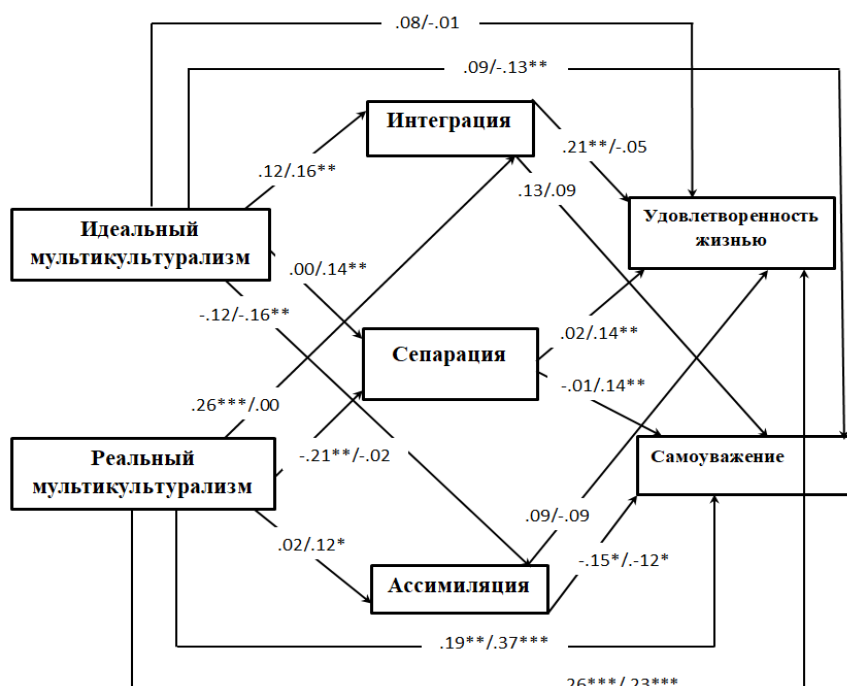

Рис. 3. Путевая модель взаимосвязи ИОМ и РВМ с аккультурационными предпочтениями и показателями психологического благополучия у русских и эстонцев в Эстонии

Примечание. Первые коэффициенты относятся к русским, вторые после слеш – к эстонцам; показатели пригодности модели удовлетворительны: $\chi^2/df = 1.765$, CFI = 0.977, RMSEA = .060, PCLOSE = 0.327 (русские) / $\chi^2/df = 2.300$, CFI = 0.978, RMSEA = .064, PCLOSE = 0.256 (эстонцы). *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Данные, представленные на рис. 3, свидетельствуют о том, что РВМ у русских в Эстонии положительно связан со стратегией интеграции и отрицательно – со стратегией сепарации. Более того, РВМ у русских в Эстонии положительно связан как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением. Стратегия интеграции у русских в Эстонии положительно связана с удовлетворенностью жизнью, тогда как стратегия ассимиляции отрицательно связана с самоуважением. У эстонцев ИОМ положительно связан с ожиданиями интеграции и сепарации русских и отрицательно связан с ожиданием ассимиляции русских. В то же время РВМ у эстонцев положительно связан с ожиданием ассимиляции русских. У эстонцев ИОМ отрицательно связан с самоуважением, тогда как РВМ положительно связан как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением. Ожидание сегрегации русских у эстонцев положительно связано с удовлетворенностью жизнью и самоуважением, тогда как ожидание ассимиляции русских отрицательно связано с самоуважением.

Обсуждение результатов

Основная цель настоящего исследования состояла в поиске ответа на вопрос, какова роль идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма во взаимной аккультурации и психологическом благополучии представителей русского этнического меньшинства и этниче-

ского большинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии. Ответ на вопрос найден в результате верификации гипотез исследования через призму внутривостранового и межстранового анализа.

Первая гипотеза настоящего исследования о том, что ИОМ и РВМ положительно связаны с аккультурационными предпочтениями интеграции и отрицательно связаны с аккультурационными предпочтениями сепарации и ассимиляции у представителей этнического меньшинства и этнического большинства подтвердилась частично во всех исследуемых выборках и странах.

Так, в Казахстане русские, имеющие высокие уровни выраженности идеального (ожидаемого) мультикультурализма и реального (воспринимаемого) мультикультурализма, предпочитают интеграцию в межкультурном взаимодействии с казахами и не предпочитают сепарацию. Казахи, в свою очередь, с высоким уровнем идеального (ожидаемого) мультикультурализма демонстрируют готовность к интеграции русских и не приемлют их ассимиляции. Кроме того, казахи с высоким уровнем реального (воспринимаемого) мультикультурализма ожидают от русских интеграции в казахское общество, то есть ожидают от русских того, что, взаимодействуя с казахами, они не будут отказываться от своей культурной самобытности. Получается, что установки в отношении принятия мультикультурной идеологии в стране и видение ее реализации в полном объеме согласованно ведут к предпочтению интеграции русских как с точки зрения самих русских, так и с точки зрения казахов. Полученные результаты могут рассматриваться как признак благоприятного фона межкультурного взаимодействия в Казахстане. Это в очередной раз доказывает то, что интеграция может быть достигнута лишь в том обществе, где поощряется культурное разнообразие (Berry et al., 2022).

В Кыргызстане русские с выраженной установкой на принятие мультикультурной идеологии не приемлют ассимиляцию, как стратегию межкультурного взаимодействия с киргизами. Более того, русские, ощущающие реализацию мультикультурной идеологии в стране, демонстрируют приверженность стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с киргизами и совсем не склонны к сепарации. Киргизы, имеющие высокий уровень выраженности реального воспринимаемого мультикультурализма, демонстрируют приверженность интеграции русских. Резюмируя, можно сказать, что восприятие русскими и киргизами в Кыргызстане того, что мультикультурная идеология реализуется в их стране, приводит к предпочтению интеграции с обеих сторон, что, в свою очередь, является ярким свидетельством благоприятного фона межкультурных отношений в данной стране.

В Эстонии ситуация отличается от того, что мы получили в Казахстане и Кыргызстане. Так, в Эстонии лишь воспринимаемый русскими мультикультурализм ведет к интеграции в межкультурном взаимодействии с эстонцами и не ведет к сепарации, тогда как ожидания в отношении необходимости принятия мультикультурной идеологии не связаны с выбором ни одной аккультурационной стратегии взаимодействия с эстонцами. У эстонцев, напротив, ожидание необходимости принятия мультикультурной идеологии в стране положительно связано как с предпочтением интеграции русских, так и с предпочтением их сегрегации от эстонского общества, но отри-

цательно связано с предпочтением ассимиляции русских. Получается, что у эстонцев индивидуально-личностная установка на принятие мультикультурной идеологии связана с тем, что русские безусловно должны сохранять свое культурное наследие (это, то что объединяет ожидания интеграции и сегрегации), но вопрос о том, должны ли русские взаимодействовать и «впускаться» полноценно в эстонское общество, остается открытым и спорным (поскольку ожидание интеграции подразумевает взаимодействие с эстонцами, тогда как сегрегация этого не подразумевает). Более того, воспринимаемая эстонцами реализация мультикультурной идеологии в стране ведет к предпочтению ассимиляции русских. Это говорит о том, что эстонцы, видя поддержку в сохранении культурной самобытности этнических меньшинств в Эстонии, ожидают от русских ассимиляции. Скорее всего, это связано с воспринимаемой эстонцами угрозой, исходящей от русских, приобретающей форму страха усиления влияния России через русских, проживающих в Эстонии (Скуратовская, 2016). Полученные в Эстонии результаты свидетельствуют о наличии определенного уровня напряженности в межкультурном взаимодействии эстонцев и русских.

Таким образом, результаты верификации первой гипотезы настоящего исследования отчетливо свидетельствуют о том, что универсальной основой интеграции русских на постсоветском пространстве независимо от страны проживания служит реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, то есть восприятие реального социокультурного контекста, а не абстрактные индивидуально-личностные установки в отношении мультикультурной идеологии. Относительно этнического большинства исследуемых постсоветских стран необходимо сказать, что универсальной основы для трех стран предпочтения интеграции русских не выявлено. У казахов и киргизов основой ожидания интеграции русских выступил реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, то есть ощущение того, что в стране полноценно реализуется мультикультурная идеология. Тогда как у эстонцев основой интеграции русских выступил идеальный (ожидаемый) мультикультурализм, в то время как реальный (воспринимаемый) мультикультурализм стал основой предпочтения ассимиляции. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что в разных социокультурных контекстах воспринимаемая этническим большинством реализация мультикультурной идеологии в их стране может быть как основой предпочтения интеграции, так и ассимиляции меньшинств. С нашей точки зрения, это зависит от того, считают ли представители этнического большинства себя чем-то внешним при реализации мультикультурной идеологии или ее частью. И более того, чувствуют ли они угрозу своему укладу жизни от этнических меньшинств.

Вторая гипотеза исследования о том, что ИОМ и РВМ положительно связаны с такими показателями психологического благополучия, как удовлетворенность жизнью и самоуважение у представителей этнического большинства и этнического меньшинства, также частично подтвердилась во всех исследуемых выборках и странах.

Так, в Казахстане у русских идеальный (ожидаемый) мультикультурализм положительно связан с самоуважением, тогда как реальный восприни-

маемый ими мультикультурализм связан с удовлетворенностью жизнью. У казахов лишь реальный воспринимаемый ими мультикультурализм связан как с самоуважением, так и с удовлетворенностью жизнью. Обращает на себя внимание то, что универсальной основой для удовлетворенности жизнью у казахов и русских выступает реальный (воспринимаемый) мультикультурализм. Это в целом свидетельствует о том, что воспринимаемая русскими и казахами реализация мультикультурной идеологии в их стране благоприятно сказывается на их психологическом благополучии.

В Кыргызстане у русских лишь реальный (воспринимаемый) мультикультурализм связан с удовлетворенностью жизнью, тогда как у киргизов и реальный воспринимаемый мультикультурализм, и идеальный ожидаемый мультикультурализм положительно связаны как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением.

В Эстонии у русских и у эстонцев реальный воспринимаемый ими мультикультурализм положительно связан как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением. В то же время у эстонцев идеальный (ожидаемый) мультикультурализм отрицательно связан с их самоуважением. Вероятно, как мы уже отмечали выше, установка на принятие мультикультурной идеологии рассматривается как нечто внешнее для самих эстонцев, предназначенное для сохранения культурной идентичности и самобытности меньшинств, а не культурной идентичности и самобытности самих эстонцев, что в итоге не способствует их самоуважению.

Резюмируя результаты, полученные в ходе верификации второй гипотезы, следует сказать, что представители русского этнического меньшинства и этнического большинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии, видящие реализацию мультикультурной идеологии в их странах, демонстрируют высокий уровень удовлетворенности жизнью. Получается, что воспринимаемый контекст, при котором ценятся все этнокультурные группы, сохраняется их культура, связан с удовлетворенностью жизнью у людей независимо от их этнической принадлежности и от статуса их этнической группы. Полученные результаты согласуются с идеей о том, что восприятие оказывает более мощное и непосредственное влияние на ключевые социальные и психологические результаты (Guimond et al., 2013; Koopmans, Schaeffer, 2016; Van Assche et al., 2016).

Третья гипотеза исследования о том, что аккультурационное предпочтение интеграции положительно связано с удовлетворенностью жизнью и самоуважением, подтвердилась частично, но не во всех исследуемых выборках.

В Казахстане казахи, ожидающие от русских интеграции, демонстрируют высокий уровень самоуважения. Тогда как у русских стремление к интеграции в Казахстане никак не связано с их психологическим благополучием. В Кыргызстане и Эстонии русские, предпочитающие в межкультурном взаимодействии с этническим большинством интеграцию, демонстрируют высокий уровень удовлетворенностью жизнью. У киргизов и эстонцев аккультурационные предпочтения в отношении русских никак не связаны с показателями их психологического благополучия. Как мы видим, связей аккультурационного предпочтения интеграции с показателями психологического

благополучия во всех исследуемых выборках меньше, чем ожидалось или вовсе нет, вероятно, это связано с тем, что в тестируемой нами модели реальный мультикультурализм оказался более мощным фактором психологического благополучия, чем аккультурационные предпочтения интеграции.

Как и ожидалось, ответить на исследовательский вопрос о том, как связаны аккультурационные предпочтения сепарации/сегрегации и ассимиляции с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства, в изучаемых социокультурных контекстах можно по-разному. Например, в Казахстане казахи и русские, отдающие предпочтение ассимиляции русских, демонстрируют высокий уровень удовлетворенностью жизнью. Связь стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью обычно говорит о том, что данная стратегия несет определенный адаптационный потенциал в условиях сложного социокультурного контекста (Lepshokova, Tatarko, 2016) с уклоном на ассимиляцию (Lepshokova et al., 2018). В Кыргызстане предпочтения сепарации и ассимиляции у русских и киргизов никак не связаны с их психологическим благополучием, поэтому данные аккультурационные предпочтения в данном социокультурном контексте не несут в себе никакого адаптационного потенциала.

Особый интерес представляет наличие позитивной связи у эстонцев ожидания сегрегации русских с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Получается, что эстонцы с выраженной установкой на то, что русские должны в Эстонии сохранять свое культурное наследие, но без взаимодействия с эстонцами, демонстрируют высокий уровень психологического благополучия. При этом эстонцы и русские, не настроенные на ассимиляцию русских, демонстрируют высокий уровень самоуважения. В ранее проведенных исследованиях уже отмечалось, что эстонцы с высоким уровнем этнической самооценки склонны выступать против культурного плюрализма и отдают предпочтение стратегии сепарации (Raudsepp, 2009). В нашем исследовании мы видим, что эстонцы с высоким уровнем самоуважения, то есть высоким уровнем личной самооценки, также демонстрируют склонность к сегрегации, что, скорее всего, связано с осознанием защиты своей культурной идентичности и самобытности.

Заключение

Проведенное исследование первое в своем роде, поскольку дает развернутую картину межкультурного взаимодействия между этническим меньшинством и большинством через тестирование модели взаимосвязи идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) контекста со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием. Тестируемая модель может быть использована для диагностики межкультурных отношений в поликультурных регионах, так как позволяет обнаружить точки напряжения и сближения в межкультурных отношениях между представителями этнокультурных групп с разным статусом в поликультурных контекстах. Например, в Кыргызстане серьезных точек напряжения не выявлено; в Казахстане настороженность вызывает позитивная связь между предпочтением

ассимиляции и удовлетворенностью жизнью как у русских, так и у казахов; а в Эстонии настораживает наличие отрицательной связи между идеальным ожидаемым мультикультурализмом и самоуважением, а также позитивная связь между ожиданием сегрегации русских и показателями психологического благополучия у эстонцев. Кроме того, благодаря тестируемой модели удалось обнаружить ресурс для психологического благополучия во всех исследуемых контекстах, которым выступил реальный воспринимаемый мультикультурализм, то есть ощущение людьми того, что мультикультурная идеология в полной мере реализуется в их стране.

В этой связи видится критически важным создание социальной среды, в которой поощряется культурное разнообразие заметным для людей образом, которое, как показывает наше исследование, является бесценным ресурсом для удовлетворенности жизнью представителей всех этнокультурных групп независимо от страны проживания и статуса их этнокультурной группы. Заметным мультикультурализм можно сделать через средства массовой коммуникации, социальные медиа и повседневный позитивный опыт межкультурного взаимодействия.

Настоящее исследование, будучи продолжением серии исследований в русле контекстно-ориентированного подхода в психологии аккультурации (Лепшокова, 2020; 2021), направленное на изучение идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма, вносит существенный вклад в понимание сущности, значимости и ресурсности воспринимаемой инклюзивности социокультурного контекста для психологического благополучия и гармонизации межкультурных отношений.

Список литературы

- Галиев А.А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. Т. 2. № 3–1. С. 430–440.
- Джаманкулов Б.С. Структурные изменения в экономике Кыргызстана // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 819–832. <https://doi.org/10.18334/eo.9.2.40644>
- Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Гендерная составляющая демографической безопасности стран ЕАЭС // Женщина в российском обществе. 2022. № S1. С. 4–18. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.1>
- Кувалин Д.Б., Борисов В.Н., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А. Экономика Казахстана: итоги непростого тридцатилетия // Развитие территорий. 2022. № 1(27). С. 22–32. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-1-22-32>
- Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 25–33. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170403>
- Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 124–138. <https://doi.org/10.31857/S086904990010074-3>
- Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа): монография. М.: Грифон, 2012. 192 с.
- Молдабаева А.К., Зейнельгабдин А.Б. Анализ механизмов регулирования языковой политики Республики Казахстан // Вестник Карагандинского университета. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 159–170. <https://doi.org/10.31489/2024ec1/159-170>

- Немешина Л.Ю., Омаров Н.М., Панарин С.А. Русские Кыргызстана в 1990-2000-е годы: динамика размерности, качественные сдвиги, оценка адаптации // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 47–75.
- Скуратовская К.Г. Современное положение русской этнической группы в Эстонии: политологический анализ // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 1. С. 85–96.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Флорин М. Элиты, русский язык и советская идентичность в постсоветской Киргизии // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 6 (80). С. 225–233.
- Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Т. 13. № 3. С. 98–130.
- Чан Д.Л. Полиязычное образование – важнейшая стратегия развития Казахстана // Успехи современного естествознания. 2013. № 7. С. 130–132.
- Шульга Е.П. Потенциальная миграция русскоязычного населения из Средней Азии в Россию (на примере Киргизии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24). С. 97–103.
- Badea C. Group ideologies // The SAGE Encyclopedia of Political Behavior / Ed. by F.M. Moghaddam. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 2017. Vol. 2. Pp. 345–345. <https://doi.org/10.4135/9781483391144.n159>
- Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. No 6. Pp. 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. No 6. Pp. 663–675. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.09.005>
- Berry J.W., Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Ryabichenko T.A. Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey // Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne Des Sciences Du Comportement. 1995. Vol. 27. No 3. Pp. 301–320. <https://doi.org/10.1037/0008-400x.27.3.301>
- Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS Collaboration, Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project // Applied Psychology. 2022. Vol. 71. No 3. Pp. 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Berry J.W., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // International Journal of Intercultural Relations. 2010. Vol. 34. No 3. Pp. 191–207. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.11.007>
- Birman D., Trickett E.J., Vinokurov A. Acculturation and adaptation of Soviet Jewish refugee adolescents: Predictors of adjustment across life domains // American Journal of Community Psychology. 2002. Vol. 30. No 5. Pp. 585–607. <https://doi.org/10.1023/a:1016323213871>
- Bronfenbrenner U. Ecological systems theory // Six theories of child development: Revised formulations and current issues / Ed. by R. Vasta. London: Jessica Kingsley Publishers, 1992. Pp. 187–249.
- Commercio M.E. Exit in the near abroad: The Russian minorities in Latvia and Kyrgyzstan // Problems of Post-Communism. 2004. Vol. 51. No 6. Pp. 23–32. <https://doi.org/10.1080/10758216.2004.11052185>

- Croft J.* Non-citizens in Estonia and Latvia: Time for change in changing times? // *OSCE Yearbook* 2015 / Ed. by IFSH. Baden-Baden: Nomos, 2016. Pp. 181–195. <https://doi.org/10.5771/9783845273655-177>
- Guimond S., Crisp R.J., De Oliveira P., Kamiejski R., Kteily N., Kuepper B., Lalonde R.N., Levin S., Pratto F., Tougas F., Sidanius J., Zick A.* Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 104. No 6. Pp. 941–958. <https://doi.org/10.1037/a0032069>
- Jackson P.I., Doerschler P.* How safe do majority group members, ethnic minorities, and Muslims feel in multicultural European societies? // *Democracy and Security*. 2016. Vol. 12. No 4. Pp. 247–277. <https://doi.org/10.1080/17419166.2016.1213165>
- Jumageldinov A.* Ethnic identification, social discrimination and interethnic relations in Kazakhstan // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 114. Pp. 410–414. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.721>
- Koopmans R., Schaeffer M.* Statistical and perceived diversity and their impacts on neighborhood social cohesion in Germany, France and the Netherlands. *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 125. No 3. Pp. 853–883. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0863-3>
- Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W.* The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 1. No 1. Pp. 3–24.
- Kunst J.R., Coenen A., Gundersen A.B., Obaidi M.* How are acculturation orientations associated among majority-group members? The moderating role of ideology and levels of identity // *International Journal of Intercultural Relations*. 2023. Vol. 96. P. 101857. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2023.101857>
- Kus-Harbord L., Ward C.* Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology*. 2015. Vol. 4. No 1. Pp. 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- Leping K.-O., Toomet O.* Emerging ethnic wage gap: Estonia during political and economic transition // *Journal of Comparative Economics*. 2008. Vol 36. No 4. Pp. 599–619. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2008.08.002>
- Lepshokova Z., Lebedeva N., van de Vijver F.J.R.* The mediating role of identity incompatibility in the relationship between perceived discrimination and acculturation preferences in two generations of the ethnic Russian minority in the North Caucasus // *European Journal of Developmental Psychology*. 2018. Vol. 15. No 1. Pp. 99–114. <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1336433>
- Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N.* Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. No 1. Pp. 57–73. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0104>
- Lindemann K., Vöörmann R.* Second generation Russians in the Estonian labour market // *Estonian Human Development Report 2009* / Ed. by R. Vöörmann. Tallinn: Estonian Cooperation Assembly, 2010. Pp. 99–102.
- Mutual Intercultural Relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 452 p. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Nguyen A.-M.D., Benet-Martínez V.* Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. No 1. Pp. 122–159. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
- Pavlenko A.* Multilingualism in Post-Soviet countries: Language revival, language removal, and sociolinguistic theory // *The International Journal of Bilingual*

- Education and Bilingualism. 2008. Vol. 11. No 3–4. Pp. 275–314. <https://doi.org/10.1080/13670050802271517>
- Raudsepp M. Ethnic self-esteem and intergroup attitudes among the Estonian majority and the non-Estonian minority // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 1. No 1. Pp. 36–51.
- Rudmin F.W. Debate in science: The case of acculturation // AnthroGlobe Journal. 2006. Retrieved April 1, 2023 from <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/1996/article.pdf?sequence=1>
- Scottham K.M., Dias R.H. Acculturative strategies and the psychological adaptation of Brazilian migrants to Japan // Identity. 2010. Vol. 10. No 4. Pp. 284–303. <https://doi.org/10.1080/15283488.2010.523587>
- Stogianni M., Bender M., Slegers W., Benet-Martinez V., Nguyen A.-M. Sample characteristics and country level indicators influencing the relationship between biculturalism and adjustment: An updated meta-analysis // PsyArXiv. 2021. Pp. 1–45. <https://doi.org/10.31234/osf.io/8qymv>
- Van Assche J., Roets A., Dhont K., Van Hiel A. The association between actual and perceived ethnic diversity: The moderating role of authoritarianism and implications for outgroup threat, anxiety, and mistrust // European Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 46. No 7. Pp. 807–817. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2211>
- Vetik R. Ethnic conflict and accommodation in post-communist Estonia // Journal of Peace Research. 1993. Vol. 30. No 3. Pp. 271–280. <https://doi.org/10.1177/0022343393030003003>
- Ward C., Gale J., Staerklé C., Stuart J. Immigration and multiculturalism in context: A framework for psychological research // Journal of Social Issues. 2018. Vol. 74. No 4. Pp. 833–855. <https://doi.org/10.1111/josi.12301>
- Ward C., Kim I., Karl J. A., Epstein S., Park H.-J. How normative multiculturalism relates to immigrant well-being // Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology. 2020. Vol. 26. No 4. Pp. 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Ward C., Stuart J., Karl, J.A. A socio-ecological perspective on psychological well-being in a culturally diverse context: The role of perceived national multicultural norms // International Journal of Intercultural Relations. 2023. Vol. 96. Pp. 101870. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2023.101870>
- Ward C., Stuart J., Watters S.M. Multiculturalism: The cause of social problems or the cure for social ills? // Papers presented at the SPSSI-SASP Small Group Meeting on Immigration to Major Immigrant-receiving Countries. Ottawa, Canada, 2016, December.
- Zagefka H., Brown R. The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany // European Journal of Social Psychology. 2002. Vol. 32. No 2. Pp. 171–188. <https://doi.org/10.1002/ejsp.73>

История статьи:

Поступила в редакцию 4 апреля 2024 г.

Принята к печати 8 мая 2024 г.

Для цитирования:

Лепиокова З.Х., Джукич Е., Черная А.В. Идеальный и реальный мультикультурализм в постсоветских странах: связь со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием этнического большинства и меньшинства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 385–407. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407>

Вклад авторов:

З.Х. Лепиокова – администрирование проекта, концептуализация, методология, написание текста, редактирование. Е. Джукич – написание текста, редактирование. А.В. Черная – написание текста, редактирование.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Лепшикова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0003-3387-8242, SPIN-код: 7011-5082. E-mail: taimiris@yandex.ru

Елена Джукич, кандидат психологических наук, доцент Академии человеческого развития, Сербия, 11000, Белград, Теразие, д. 34. ORCID: 0009-0001-7123-2058. E-mail: jelenagent@gmail.com

Анна Викторовна Черная, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42. ORCID: 0000-0001-5985-2126. E-mail: avchernaya@sfedu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407

EDN: JAEIPV

UDC 316.6

Research article

Ideal and Real Multiculturalism in Post-Soviet Countries: Relationship with Mutual Acculturation and Psychological Well-Being among Ethnic Majorities and Minorities

Zarina Kh. Lepshokova¹, Jelena Djukic², Anna V. Chernaya³

¹HSE University,
Moscow, Russian Federation

²Academy for Human Development,
Belgrade, Serbia

³Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation

 taimiris@yandex.ru

Abstract. The article presents a socio-psychological view of multiculturalism as a subjective reflection of the sociocultural context at the level of attitudes and perceptions. The concepts of ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism are distinguished and studied in relationship with acculturation preferences and psychological well-being among members of ethnic minority and majority groups. The study was conducted on members of the Russian ethnic minority ($N = 746$) and the ethnic majorities ($N = 754$) of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia. The total sample size was 1,500 respondents. The methodological tools included prescriptive and descriptive versions of *The Multicultural Ideology Scale (MIS)*, *The Acculturation Strategies Scale for Ethnic Minorities*, *The Acculturation Expectations Scale for Ethnic Majorities*, *The Satisfaction with Life Scale (SWLS)*, and *The Rosenberg Self-Esteem Scale (RSES)*. The analysis revealed that the universal basis for life satisfaction among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities in all the post-Soviet countries studied was real (perceived) multiculturalism but not abstract attitudes towards the adoption of multicultural ideology. Moreover, real multiculturalism, as perceived by the Rus-

sian minority, also serves as a universal basis for their choice of the integration strategy in intercultural interactions with members of the ethnic majority. But for the members of the ethnic majority, real multiculturalism in their perception manifests itself as a basis for the integration or assimilation of the Russians, depending on the context: thus, the Kazakhs and Kyrgyz tend toward the former, while the Estonians tend toward the latter. These and other findings are discussed within the sociocultural contexts of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia, as well as within the core differences between ideal and real multiculturalism. The article concludes with an exploration of the practical value of the tested model for diagnosing intercultural relations in multicultural societies.

Key words: multicultural ideology, multiculturalism, ideal (expected) multiculturalism, real (perceived) multiculturalism, acculturation strategies, acculturation expectations, psychological well-being, life satisfaction, self-esteem, Post-Soviet countries, ethnic majority, ethnic minority, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Estonia

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Article history:

Received 4 April 2024

Revised 5 May 2024

Accepted 8 May 2024

For citation:

Lepshokova, Z.Kh., Djukic, J., & Chernaya, A.V. (2024). Ideal and real multiculturalism in post-soviet countries: Relationship with mutual acculturation and psychological well-being among of ethnic majorities and minorities. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 385–407. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407>

Author's contribution: Zarina Kh. Lepshokova – project administration, conceptualization, methodology, text writing and editing. Jelena Djukic – text writing and editing. Anna V. Chernaya – text writing and editing.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Bio notes:

Zarina Kh. Lepshokova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, HSE University; Chief Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3387-8242, SPIN-code: 7011-5082. E-mail: taimiris@yandex.ru

Jelena Djukic, PhD in Psychology, Associate Professor, Academy for Human Development, 34 Terazije St, 11000 Belgrade, Serbia. ORCID: 0009-0001-7123-2058. E-mail: jelenagent@gmail.com

Anna V. Chernaya, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Developmental Psychology, Southern Federal University, 105/42 B. Sadovaya St, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5985-2126. E-mail: avchernaya@sfedu.ru